

ДРЕВНЕМЕСОПОТАМСКИЙ СБОРНИК СНОТОЛКОВАНИЙ

(К вопросу о структуре построения текста)

Содержащиеся в сборнике снотолкований предсказания лежат в сфере интересов простого человека и связаны, по всей видимости, в основном с нуждами повседневной практики. Исследование текста сборника снотолкований может раскрыть некоторые стороны обыденного сознания жителя древней Месопотамии, и поэтому особый интерес представляет выявление логики составления текста этого сонника.

Сборник снотолкований представлен 11 табличками, составляющими серию «Zaqīqu»; более или менее хорошо сохранились только III, VII и IX таблички¹, поэтому таблички «А», «В» и «С», которые А. Л. Оппенхейм, издатель данного источника², определил как родственные этой серии, дают нам возможность более полного знакомства с практикой снотолкования в древней Месопотамии. Предсказания состоят из двух частей; в первой (протасисе) описывается сновидение, а во второй (аподосисе) прогнозируется будущее событие в соответствии с данным сновидением. Каждая табличка представляет собой набор предсказаний, связанных употребляемым в протасисе общим словом, которое определяет тему всей таблички. В связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, что представляет собой набор протасисов для каждой отдельной таблички? Имеет ли он характер случайного подбора или же за этим стоит определенная система? Во-вторых, есть ли зависимость аподосиса от протасиса и каков ее характер или же они представляют две самостоятельные, не связанные между собой части?

Для того чтобы ответить на первый вопрос, обратимся к анализу протасисов в рамках одной таблички. На наш взгляд, наиболее показательной является табличка «В», тему которой определяет глагол: «(они) дают ему» | SUM-šú |³. Табличка открывается перечислением снов, в которых человек получает разного вида печати⁴. Среди них печати, сделанные из различных пород камня, слоновой кости, печать с изображением фигурок, царская печать, печать с именем человека; употребление слова «имя» вводит ряд предсказаний, описывающих получение печатей с указанием имен. Далее несколько строк разбито. Затем перечисляются случаи, когда

¹ Из 11 таблиц три — первая и две последние — посвящены описанию ритуалов нейтрализации неблагоприятных последствий снов.

² *Oppenheim A. L. Interpretation of Dreams // Transactions of Philosophical Society. 1956. V. 46. № 3.*

³ SUM-šú встречается с фонетическим комплиментом SUM-nu-šú (*Oppenheim. Interpretation... P. 276*).

⁴ *Ibid. P. 276—281.*

человеку дают различные породы деревьев. После протасисов, в которых фигурируют названия деревьев, идет протасис, говорящий о вручении человеку плотницких орудий. Этим открывается перечень ситуаций получения орудий мастеров различных профессий. Следует примерно 30 разбитых строк. Затем идут протасисы, в которых получаемым объектом является мясо различных животных, далее — жиры различных животных. После лакуны начинается другой ряд объектов, включающий разного рода повозки и относящиеся к ним предметы и упряжь. Следующая группа описывает получение во сне двери, болта, стилоса, каких-то тростниковых предметов. После семи разбитых строк следуют протасисы, где человеку вручаются бытовые предметы: табуретка, ложка, маленькая ложка, совок, пустой ковш, полный ковш, вино, пиво, мед, масло (перечисляются масла различных животных), (*разбито*), мясной бульон, настой растений *imhuc-esta*, настой из фруктов дерева *šunu*, уксус, какой-то прибор для измерения воды, лен, льняная одежда, (*разбито*), вода, шиво, вино, речная вода, вода из колодца, вода из канавы, вода канала и т. д. Итак, как видно из содержания таблички «В», характерной особенностью ее протасисов является набор описаний ситуаций вокруг ключевого слова, определяющего тему таблички. Перечисление же самих объектов, получаемых сновидцем, ведется по довольно жесткому принципу, где каждый последующий объект обусловлен предыдущим. Тем самым образуется цепочка протасисов, в которых объекты взаимосвязаны друг с другом, а ключевое слово представляет собой своего рода стержень, не имеющий внутренней связи с объектами получения и являющийся структурообразующим элементом текста таблички. Для того чтобы определить, является ли это положение справедливым для всего сборника, обратимся еще к одной табличке. Ключевое слово таблички «А» — глагол «есть, поесть»⁵. Вокруг этого глагола сосредоточены протасисы, в которых объектами выступают: мясо различных животных, человеческое мясо, мясо трупа, органы собственного тела или тела друга, (*разбито*), различные птицы; после разделительной линии начинаются протасисы, где объектами поедания являются фрукты, (*разбито*), кирпич, земля, пыль, асфальт, нефть и т. д.

Следовательно, давая ответ на первый поставленный вопрос о наличии внутренней логики в составлении протасиса, мы можем определить цепочку протасисов в рамках одной таблички как систему ассоциативных связей слов. Здесь же следует отметить, что и ключевое слово может иногда заменяться другими словами, уточняющими его общее значение, и даже антонимами, но это происходит строго в соответствии с развитием представляемой ситуации. Так, в табличке III общая тема «идти» уточняется глаголами «входить» и «выходить», «подниматься» и «спускаться»⁶, или в самой середине перечня печатей вместо глагола «дают (ему)» появляются глаголы «положить ... и заберет»: (стк. 21) Если ему дают непросверленную печать...; (стк. 22) Если он положит печать и (кто-либо) заберет ее... Аналогичная ситуация в подмене глагола наблюдается и двумя строками ниже: (стк. 25) Если он положит печать со своим именем и (кто-либо) заберет ее...⁷ Такое поведение глагола, по всей видимости, объясняется тем, что ситуация разрабатывается по строгим законам процесса семантизации, приводящим к подмене употребляемого слова таким его заместителем, который вносит свой оттенок в данный семантический ряд. Иначе говоря, мы вслед за психологами можем сказать: «Слово вызывает не изоли-

⁵ Ibid. P. 270—275.

⁶ Ibid. P. 263, 267.

⁷ Ibid. P. 276.

рованную, четко ограниченную реакцию, а определенную систему связей, причем эта система связей имеет строго избирательный характер»⁸.

Рассмотрение протасисов позволяет сделать вывод, что их подбор осуществлялся по жестким объективным законам образования семантического поля. Анализ текста по «вертикали» (набор протасисов) дает основания для выдвигания тезиса о том, что в основе его составления лежал механизм действия бессознательных ментальных структур. Это положение приводит нас к мысли, что построение текста проходило по определенным законам и в «горизонтальном» направлении (протасис-аподосис). На существование связи между двумя частями предсказания указывал А. Л. Оппенгейм. Объясняя суть механизма составления предсказания, он писал, что связь между содержанием сновидения, которое отражено в словах протасиса, и прогнозом, содержащимся в соответствующем аподосисе, устанавливается тремя способами. «Первый основывается на параномастических ассоциациях, „игре слов“. Например: „(Если человек во сне) ест ворона (arbu) — доход (irbu) получит“. Второй способ связан с представлениями, которые мы понимаем или думаем, что понимаем. Например: „(Если во сне) он положил печать и кто-либо заберет ее — либо его сын, либо его дочь умрет“; за этим следует: „(Если во сне кто-либо) даст ему печать с его именем — он получит имя и потомка“. Символизм довольно очевиден: описанная цилиндрическая печать как символ индивидуальности может распространять „его“ за телесные и временные пределы существования человека точно так же, как и сын (аккад. šumi означает „имя“ и „сын“). Третий способ представляет такие предсказания, в которых связь протасиса с аподосисом не поддается логическому анализу. Например: „(Если человек во сне) съест мясо на своей ноге — его сын и наследник (умрет)“. Здесь можно утверждать, что неконтролируемые ассоциации и абсурдные подсчеты определяют природу предсказания»⁹. Следовательно, по мнению А. Л. Оппенгейма, существует прямая зависимость аподосиса от протасиса, но определить, что лежит в основе этой зависимости, в одном случае из трех не представлялось ему возможным. Принимая во внимание его классификацию и отталкиваясь от нашего тезиса о наличии известной упорядоченности в составлении данного текста, обратимся к примеру того класса, который А. Л. Оппенгейм определил как основанный на «неконтролируемых ассоциациях и абсурдных подсчетах»¹⁰.

Приведенный ниже фрагмент взят из таблички «А», тему которой задает глагол «есть, поедать».

Если он ест мясо друга — он получит большую долю.

Если его друг ест его лицо — он получит большую долю.

Если он ест глаз своего друга — несчастья покинут его, его имущество
будет процветать.

Если он ест плоть своей руки — его дочь умрет.

Если он ест плоть руки своего друга — то, что он еще не знает, потеряет (в тексте — «умрет»), тюрьма его схватит.

Если он ест плоть своей ноги — его старший сын умрет.

Если он ест плоть ноги своего друга — среди его близких...

Если он ест свой уд — его сын умрет.

Если он ест уд своего друга — у него будет сын¹¹.

⁸ Виноградова О. С., Лурия А. Р. Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 29.

⁹ Oppenheim. Interpretation ... P. 241 f.

¹⁰ Первые два класса не вызывают необходимости в дополнительном анализе, поскольку суть их определения кажется нам справедливой.

¹¹ Oppenheim. Interpretation... P. 271.

Как видно из приведенного раздела таблички «А», поедание человеком, т. е. уничтожение, частей собственного тела приводит к потере, смерти его детей, в то время как поедание тех же частей тела его друга приводит к материальному приобретению или к рождению сына, хотя, надо отметить, последнее не выдерживается так строго, как это наблюдается в случаях съедания собственных частей тела, где возможен только один исход — смерть его сына или дочери. Следовательно, процесс поедания, т. е. отторжение своей части тела, ведет к потере, смерти (отторжению) детей.

Чтобы проверить правомерность этой гипотезы, обратимся к предсказаниям, которые содержат аналогичные аподосисы. Подобные прогнозы встречаются в табличке «В»:

Если он положит ¹² печать, а кто-либо заберет ее — либо его дочь,
либо его сын умрет.

Если он положит печать со своим именем, а кто-либо заберет ее —
его сын умрет.

В отношении этого примера следует вспомнить приводившееся выше высказывание А. Л. Оппенгейма относительно того, что печать рассматривалась как потенциальный носитель собственного «я» ее владельца. Для нашего хода рассуждения этот пример достаточно показателен, так как смерть сына или дочери прогнозируется в соответствии с утратой печати; следовательно, отторжение печати, которая в древнемесопотамском обществе маркировала «я» индивида, приводит к отторжению, смерти детей, имевших примерно ту же функцию. Более того, тема таблички «В», определяющаяся ключевым словом «дают (ему)», только в отношении этих двух предсказаний меняет глагол на «положит... кто-либо заберет...». На наш взгляд, это объясняется тем, что понятие «смерть», т. е. отторжение от мира живых, накладывало отсоединительный смысл на любую ситуацию, которая могла быть прямо или косвенно связана с этим понятием. «Смерть оказывалась представленной в сознании устойчивым пучком „отрицательных“ моторных схем. При этом понятие смерти ассоциировалось не просто с конкретными типологическими схемами действий, а с их инвариантной „отрицательной“ направленностью»¹³. В этом отношении показателен раздел таблички «С», где тема «подземный мир» связана с понятием «смерть»:

Если он спускается в подземный мир — он умрет, но не будет захоронен в земле, его основание не будет в безопасности.

Если он спускается в подземный мир и мертвый предстанет (перед ним) — короткие дни [...] в его семье (будут случаи смерти)...

Если он то же самое (сделает)¹⁴ и мертвый предстанет — злой дух [...] схватит этого человека, человек (получил) во сне напоминание богов относительно (надвигающегося) рока.

[...]
Если он то же самое (сделает) и мертвец поцелует его — он умрет, причиной его смерти (будет) холод.

Если он то же самое (сделает) и поцелует мертвеца — он умрет, причиной его смерти (будет) холод.

Если он то же самое (сделает) и укусит мертвеца — он умрет через упавшую балку крыши¹⁵.

¹² Оппенгейм в переводе дает глагол «носить» (to wear — *ibid.* P. 276), но в тексте употребляется глагол *šakanu* — «положить» (p. 322).

¹³ Романов В. И. Некоторые особенности генезиса древнеиндийской цивилизации. К проблеме историко-культурных закономерностей: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 36.

¹⁴ В тексте употребляется *KI.MIN*, что в переводе значит «то же самое».

По приведенному отрывку таблички «С» наглядно прослеживается отрицательный смысл предсказаний, который вызывает четкая ориентировочная реакция на «подземный мир»; уйти в подземный мир означает присоединиться к миру мертвых, следовательно, отсоединить себя от мира живых, что и регистрирует аподосис. «Окруженное устойчивым пучком „отрицательных“ моторных образов понятие смерти делало адекватной в принципе любую поведенческую реакцию при условии, что и она характеризовалась „отрицательным“ вектором действия»¹⁶. В связи с этим можно привести еще один пример из нашего сборника:

Если он ест мясо мертвого человека — кто-нибудь заберет (у него) то, что он имеет; он не будет спокоен.

Если он ест мясо трупа — кто-нибудь заберет то, что он имеет: он не будет спокоен¹⁷.

«Логическая» связь этих предсказаний определяется тем, что здесь понятие «смерть» передается через понятие «мертвый человек», в результате чего возникает четкая отрицательная реакция потери.

Обратимся к еще одному примеру из нашего сборника (таблица «А»):

Если он убивает человека (в своем сне) и ест (его тело) — его имущество...
во будет...

Если он убивает своего брата и ест (его тело) — кто-либо... имущество.

Если он убивает своего сына и ест (его тело) — кто-либо... его имущество¹⁸.

Принимая во внимание отрицательный смысл, который накладывает понятие «смерть», мы можем сказать, что аподосисы этих предсказаний носят отсоединительный характер. Это дает нам возможность реконструировать данные предсказания следующим образом:

Если он убивает человека и ест (его тело) — его имущество будет
(уменьшаться).

Если он убивает своего брата и ест (его тело) — кто-либо (заберет)
его имущество.

Если он убивает своего сына и ест (его тело) — кто-либо (заберет)
его имущество.

К сожалению, этим примером ограничиваются сведения сборника (в том виде, в котором он дошел до нас) относительно понятия «смерть». Но дополнительный материал дает шумерский литературный текст, именуемый «Сон Думузи»¹⁹. Думузи (Таммуз) — бог умирающей и воскресающей растительности, поэтому вокруг его ежегодного ухода в подземный мир сложился цикл текстов, одним из которых является «Сон Думузи». Предчувствуя скорую смерть, Думузи рассказывает сестре свой сон и просит ее растолковать его значение. Все сновидение сводится к описанию предметов, возможно, атрибутов пастушьего бога, либо удаляющихся, либо разбивающихся. Его сестра, толкуя сновидение, говорит:

¹⁵ *Oppenheim. Interpretation...* P. 283.

¹⁶ *Романов. Ук. соч. С. 39.*

¹⁷ *Oppenheim. Interpretation...* P. 271.

¹⁸ *Ibid.* P. 273.

¹⁹ *Bendt Alster. Dumuzi's dream. Mesopotamia 1. Copenhagen, 1972.*

«Думузи! Твой сон — нехорош, я его тебе объясню:
[...] Двойной тростник удалился от тебя — (это)
мы с тобой одиноко удалились (друг от друга).
В лесу громадные деревья свои корни подняли на тебя —
(это) злодей в ограде ловит тебя.
Покрывало со священного сосуда удаляется от тебя —
(это) злодей, зло в своих руках держит.
Священная чаша, висевшая на кольшыке, сорвалась и разбилась —
(это) с колен своей матери-родительницы ты падаешь.
Твой пастушеский посох скрылся во тьме,
(это) маленький демон хочет убить тебя» и т.д.

Этот текст хорошо иллюстрирует примеры из сборника снотолкований, так как здесь наиболее отчетливо проявляется отрицательный смысл, связанный с понятием «смерть»²⁰.

Итак, механизм соединения протасиса с аподосисом может быть объяснен тем, что смерть понимается как отторжение от мира живых: поэтому все названные в протасисе ситуации, связанные с потерей «я» или его частей, влекут за собой в аподосисе предсказание гибели или иных утрат. Следовательно, мы вправе сказать, что связь между протасисом и аподосисом носит объективный характер, иногда выступая на основе звукового сходства (парономастические ассоциации А. Л. Опенхейма), иногда представляя собой результат действия ментальной структуры, четко программирующей выбор слова в соответствии с его смысловой потенцией. Таким образом, текст предсказания представляет собой единое целое, составленное из двух взаимосвязанных, взаимообусловленных частей, скрепленных либо смысловыми связями, либо связями по звуковому сходству.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем сказать, что текст сборника снотолкований имеет определенную логику построения как по вертикали, где ключевое слово вызвало целую систему ассоциативных связей, так и по горизонтали, где смысловая потенция слова накладывала свою жесткую программу выбора значения предсказания или основывалась на действии более простых связей по звуковому сходству.

Е. М. Дарбанова

AN ANCIENT MESOPOTAMIAN DREAMBOOK

(Observations on the Structure of a Text)

E. M. Darbanova

The article is an attempt to define the logic of the compilation of a collection of dream predictions. The book consists of 11 tables in the *Zaqiqu* — Series and of Tables A, B and C. Each table is a set of predictions connected by a common word that determines the subject of the whole table. The prediction consists of two parts — the protasis (description of the dream) and the apodosis (interpretation). The analysis of the text therefore takes two directions, the first being connected with determining the

²⁰ Для сравнения можно привести близкий по теме текст «Схождение Иштар в подземный мир», шумерский вариант которого входит в общий со «Сном Думузи» цикл текстов. Для того чтобы выйти в мир мертвых, Иштар проходит через семь ворот, где оставляет семь предметов, которые служат символом жизненных сил Иштар, а для того чтобы выйти из преисподней, т. е. присоединиться к миру живых, при прохождении тех же семи ворот она должна получить назад оставленные предметы.